

Чжан Вэйдун сжал в руке сценарий и глухо спросил:

— Что тебе передали сверху?

Режиссер, заметив, как помрачнел Чжан Вэйдун, замялся:

— Продюсер сказал, что если ты не примешь мои извинения, то проект... прикроют...

На самом деле продюсер действительно велел ему извиниться перед Чжан Вэйдун, но не требовал делать это при всех. Режиссер был человеком хитрым и затаил обиду: это ведь Чжан Вэйдун вел себя непрофессионально и первым полез в драку, так с какой стати извиняться должен он? Однако он не мог пойти против воли продюсера, поэтому решил разыграть спектакль, превратив эту сцену в фарс. Чем унижительнее он будет выглядеть в глазах окружающих, тем больше все будут жалеть его, считая жертвой обстоятельств.

Чжан Вэйдун резко поднялся, швырнул сценарий на пол и протянул руку к Сяо Ба:

— Телефон!

Сяо Ба вздрогнул, поспешно выудил из сумки смартфон и обеими руками подал его актеру. Чжан Вэйдун, не оборачиваясь, зашагал прочь со съемочной площадки. На ходу он набрал номер и, как только на том конце ответили, взорвался:

— Сяо Цзюньгу, ты, вечный ублюдок, почему ты до сих пор не сдох? Какого черта ты не сдох?!

Высказавшись, Чжан Вэйдун сбросил вызов и с размаху пнул урну. В прошлый раз режиссер, конечно, был неправ, не стоило распускать язык и порочить его честь, но Чжан Вэйдун уже сполна отплатил ему кулаками — на этом можно было бы и разойтись. Но Сяо Цзюньгу зачем-то вмешался и начал давить на режиссера. Теперь же даже самому Чжан Вэйдуну стало противно от всей этой ситуации.

У него был скверный характер и вспыльчивый нрав, но он не был мелочным человеком. Он не стремился казаться святым, но и пользоваться чужим влиянием, чтобы унижать других, считал ниже своего достоинства. Но дело сделано, и теперь оставалось лишь играть свою роль с максимальной отдачей — а что еще оставалось? Не бегать же по всей съемочной группе с объяснениями, что он не собирался травить режиссера, а все это — самоуправство кого-то из руководства компании?

Чжан Вэйдун старался работать как следует, но режиссер, напротив, перестал предъявлять к нему какие-либо требования. Лишь бы он проговаривал текст и выполнял базовые движения — на качество игры всем было плевать, на любой дубль режиссер отвечал коротким «Окей».

Вскоре и вся остальная группа изменила к нему отношение. В открытую конфликтовать никто не смел, но его начали методично выживать. Чжан Вэйдун чувствовал, что стал изгоем: кроме рабочих моментов, с ним никто не заговаривал, а во время перерывов люди старались держаться подальше. Через пару дней у актрисы, игравшей главную роль, был день рождения

— она устроила вечеринку для всех, кроме него.

Быть отвергнутым коллективом, когда тебя демонстративно игнорируют, — удовольствие ниже среднего. Но Чжан Вэйдун лишь глубже загонял чувства внутрь. Помимо съемок, у него были другие обязательства: рекламные фотосессии, промо-акции компании и прочая суета. Едва закончив с делами, он мчался в спортзал, чтобы поддерживать форму, и после двух часов изнурительных тренировок в голове не оставалось ничего, кроме пустоты.

Забравшись в машину, он закрывал глаза и тут же проваливался в сон. В один из таких моментов Сяо Ба поднес телефон к его уху:

— Дун-гэ, господин Сяо на проводе.

Чжан Вэйдун даже не шелохнулся, привалившись к спинке сиденья. Он был настолько измотан, что мысли ворочались с трудом, а сознание пребывало в тумане. Услышав голос Сяо Цзюньгу, он даже не вникал в слова, автоматически бросив:

— Да пошел ты.

Затем он выхватил телефон и выбросил его в окно, так и не открыв глаз.

Сяо Цзюньгу ошарашенно посмотрел на экран, а через десять секунд поднял взгляд на Чжоу Ли:

— Тот сериал, о котором мы говорили... я не хочу, чтобы он вышел в эфир. Займись этим.

Чжоу Ли замерла. Компания вложила в этот проект огромные деньги, съемки почти завершены, и даже если остановить процесс сейчас, убытки будут колоссальными. Но она быстро скрыла удивление и бесстрастно спросила:

— Босс, вы имеете в виду закрытие проекта?

— Нет. Просто свяжитесь с Главным управлением радиовещания и телевидения.

Чжоу Ли внимательно наблюдала за лицом Сяо Цзюньгу: он оставался невозмутимым, но в глазах застыл ледяной мрак.

— Я поняла, что нужно сделать, — ответила она.

Главное правило хорошего подчиненного — делать больше, а спрашивать меньше.

Чжан Вэйдун взял отгул на полдня и поехал в санаторий на окраине города навестить тетю. Он не был здесь три месяца. Его чувства к этой женщине были сложными: он одновременно любил

ее и ненавидел. Любил — потому что она была единственным родным человеком, который его вырастил. Ненавидел — потому что она была проституткой, водила домой разных мужчин, и маленький Чжан, прячась под кроватью, получил травму на всю жизнь.

Даже сейчас он отчетливо помнил тот тесный, сумрачный мирок под кроватью, где невозможно было даже выпрямиться. Стоило услышать скрип пружин, как по коже пробежал мороз, и перед глазами вставала та самая старая железная койка. Но еще сильнее в память врезались грязные ругательства мужчин. Ему не было и десяти, а он уже знал наизусть все виды похабщины на всех возможных диалектах.

Чжан Вэйдун не мог помочь тете, не мог прогнать этих мужчин и не мог помочь себе — он сам зависел от их денег. Каково это — осознавать подобное? Тот, кто не прошел через это, никогда не поймет. От горя он перешел к смирению, от смирения — к оцепенению, а в конце осталась лишь безнадежность.

У Чжан Вэйдуна развились серьезные психологические барьеры: он не только отвергал интимную близость, но и любое проявление чрезмерной близости к нему вызывало физическое отвращение, тошноту и холодный пот. Но он понимал, что тетя не виновата. Виновата была ее горькая судьба — выйти замуж за игрока, виноваты были его родители, погибшие в аварии, виноват был он сам — за то, что вообще родился на свет.

Узнав от сиделки, что тетя спит, Чжан Вэйдун не стал заходить в палату, а просто посмотрел на нее через окно. Она казалась еще хуже, сгорбленная, под тонким белым одеялом. Постояв так немного, Чжан Вэйдун почувствовал, как к горлу подкатил ком. Он выгреб из кошелька все наличные и сунул их сиделке, наказав покупать тете хорошие продукты.

В этой жизни Чжан Вэйдун ненавидел двоих: Сяо Цзюньгу и своего родного дядю. Эти люди не были связаны друг с другом, но оба разрушили его жизнь. Десять лет назад Сяо Цзюньгу уничтожил его будущее, а десять лет спустя дядя, проигравшись в пух и прах, покончил с собой, косвенно столкнув Чжан Вэйдуна в пропасть.

Когда он узнал, что дядя выбросился из окна небоскреба, Чжан Вэйдун не почувствовал жалости — только огромное облегчение. Такой человек, губящий и себя, и других, давно заслужил смерти. Он довел тетю до безумия, и если бы не умер, то свел бы в могилу и самого Чжан Вэйдуна. Дядя ушел красиво, оставив после себя долг в два миллиона с процентами.

Ростовщики не знали жалости. Сначала они просто пачкали краской дверь и забивали замки клеем, но потом перешли к угрозам: в окно начали лететь трупы животных, а однажды на дверной раме подвесили окровавленную свиную голову — тетя от ужаса прямо там лишилась чувств.

Чжан Вэйдун был загнан в угол. После очередного избиения коллекторами он раздобыл два флакона с цианидом — планировал напоить тетю, а потом выпить самому. Он все обдумал: тетя уже не в себе, оставить ее он не мог, а если он умрет один, кредиторы не пощадят ее. Лучше уйти вместе. В конце концов, кроме музыки, у него не было ни желаний, ни сожалений.

Но появился Сяо Цзюньгу и переписал его судьбу.

Тогда Сяо Цзюньгу только вернулся из-за границы. Он сам нашел его и протянул руку помощи. Дорогой костюм, элитные часы, лимитированные кроссовки, стильная стрижка — он выглядел как с обложки. Чжан Вэйдун же был похож на призрака: голова в бинтах, рука на перевязи.

Как же это было нелепо: человек, который когда-то предал и унизил его, человек, из-за которого его карьера была погублена, теперь стоял перед ним и с видом «лучшего друга» говорил: «Дун-цзы, я просто хочу тебе помочь, позволь мне».

Чжан Вэйдун плюнул ему в лицо:

— Благодарю, не надо.

Самое смешное, что Сяо Цзюньгу, вытирая лицо, лишь вздохнул:

— Ты всегда был таким гордым. Гордым до глупости.

Затем он сменил маску:

— Конечно, если хочешь сдохнуть — твое право. Смерть действительно решает все проблемы. Но как же твоя тетя? Она кормила тебя, одевала, платила за учебу. Даже если эти деньги были грязными, они были потрачены на тебя. Ты готов бросить даже проститутку, которая тебя вырастила? Ты вообще человек?

— Заткнись! — Чжан Вэйдун бросился на него с кулаками. — Не лезь в мою жизнь!

Сяо Цзюньгу знал его как никто другой — всегда бил в самое больное место. Он перехватил его кулак и легко усмехнулся:

— Дун-цзы, ты был так хорош в постели. Ни один из тех, с кем я спал за границей, не сравнится с тобой. Давай заключим сделку?

Что оставалось делать? У Чжан Вэйдуна не было выбора. Он не хотел умирать, не хотел смерти тети. Судьба загнала его в колодец, и неважно, кто бросил веревку и какую цену придется заплатить — он должен был за нее ухватиться.

С грузом чужой жизни на плечах у него не было права на гордость. Он продал себя — и продал тому, кого ненавидел больше всего на свете. Пять лет он терпел сексуальное насилие, подчинялся каждому приказу и не имел ни капли свободы.

Вернувшись из санатория, Чжан Вэйдун сразу поехал на площадку. Сегодня был последний

съемочный день. После этого сериал официально завершат, останется только монтаж и озвучка, в чем он уже не участвовал.

Он снимался два месяца, полтора из которых был изгоем, «врагом номер один». Наконец-то этот ад подходил к концу. Он старался не обращать внимания на косые взгляды и просто делать свою работу. Он по-прежнему ненавидел актерство, но хотел хотя бы закончить начатое с чистой совестью.

В обед, не чувствуя аппетита, он спрятался в туалете, чтобы покурить. Раньше он почти не курил, чтобы беречь голос, но в последние годы стресс стал невыносимым. Он сидел на крышке унитаза, упираясь ногами в дверь, и затягивался сигаретой.

Вдруг снаружи послышались голоса помощника режиссера и самого режиссера:

— Режиссер, этот Чжан Вэйдун совсем не тянет. Эмоций ноль, мимика деревянная. Такая фальшь испортит репутацию всего сериала, может, придумаем что-то?

Режиссер усмехнулся:

— У него покровители серьезные, куда мне его вырезать? Снимаем по сценарию. Компания не будет следить за каждым кадром, при монтаже все лишнее подчистим. А как выйдет в эфир — пусть хоть сам император за него заступается, уже ничего не поможет.

Помощник рассмеялся:

— Гениально! Хотел бы я увидеть его лицо в тот момент.

— Поделом ему. Думал, подстелился под босса и станет звездой? Пусть знает, куда лезет. С его-то талантами... позорище.

Чжан Вэйдун слушал их удаляющиеся шаги. Он бросил окурок и посмотрел на свои дрожащие руки. Внезапно он сжал кулак и с силой ударил им в кафельную стену. Больше всего на свете он ненавидел, когда его презирают, но из-за Сяо Цзюньгу он начал презирать сам себя.

— Вот оно что, — усмехнулся он про себя. — Все мои старания были псу под хвост.

Тем не менее, сериал подходил к концу, и он не хотел устраивать скандал. Он доиграл оставшиеся сцены, и как только режиссер крикнул «Снято!», без оглядки покинул площадку, под звуки ликования остальной группы.

Во второй половине дня он поехал на открытие нового торгового центра в качестве приглашенной звезды. Кроме него там были еще двое знаменитостей. Публика бесновалась, ситуация грозила выйти из-под контроля. Ведущий заставил его участвовать в играх, фотографироваться с фанатами — Чжан Вэйдун почти ничего не помнил, только шум, от которого раскалывалась голова, и онемевшие от фальшивой улыбки мышцы лица.

Едва добравшись до машины, он рухнул на сиденье и выдохнул. Но не успел он прийти в себя, как Сяо Ба снова поднес к его уху телефон. Он услышал голос, который ненавидел больше всего:

— Дун-цзы, в пятницу и субботу, то есть завтра и послезавтра, поедешь со мной на курорт. Я поручил Чжоу Ли все подготовить, за тобой заедет водитель.

У Чжан Вэйдун от ярости покраснели глаза. Он заорал в трубку:

— И в субботу тоже?! Ты, черт возьми, хоть немного совести имеешь?!

Сяо Цзюньгу на том конце усмехнулся:

— Дун-цзы, ты видел работу без переработок? Даже мне приходится пахать. По сравнению со мной, у тебя еще отличные условия.

— Не поеду... — начал было Чжан Вэйдун, но на том конце бросили лишь: «Увидимся», — и отключились.

Чжан Вэйдун привычно закусил палец и начал биться головой о стекло. Голова раскалывалась. В этот момент он снова не хотел жить. Он не сомневался, что Сяо Цзюньгу рано или поздно доведет его до самоубийства. Эта жизнь была невыносима. Каждый раз, когда терпение лопалось, внутри просыпалась ярость, и он начинал думать, как покончить с собой или как убить Сяо Цзюньгу. У него не было ни свободы, ни личного пространства, даже время больше не принадлежало ему. Он был на грани.

— Дун-гэ, Дун-гэ... успокойся! — закричал Сяо Ба, увидев, что тот прокусил палец до крови.

Чжан Вэйдун не слышал его, продолжая биться головой о стекло: «Бум, бум, бум».

Сяо Ба не мог его удержать, водитель тоже бросился на помощь. Вдвоем они прижали Чжан Вэйдун к сиденью, но он не разжимал челюсти, едва не откусив кусок плоти. В итоге водитель повез его напрямик в больницу. На указательный палец правой руки пришлось наложить двадцать швов.

Курорт с горячими источниками Хэншань.

Чжан Вэйдун полулежал под зонтиком на деревянной террасе в коричневых очках. Перед ним открывался вид на зеленые горы и гладь воды. Место было живописным, а из-за несезона — почти пустым.

Он сделал глоток арбузного сока, чувствуя редкое спокойствие. Но стоило ему услышать голос

Сяо Цзюньгу, как плечи поникли, и невидимое давление навалилось со всех сторон.

— Дун-цзы, ты приехал раньше меня. Нравится здесь? — Сяо Цзюньгу привык, что ему не отвечают. Он заметил ярко-красный напиток и, пригубив его, добавил: — Скоро зима, зачем пьешь холодное? Вредно для здоровья.

Чжан Вэйдун, которому он был противен, встал и направился в домик. Сяо Цзюньгу схватил его за руку, и его лицо мгновенно стало ледяным:

— Что с твоей рукой?

Чжан Вэйдун опешил:

— Ты что, правда не знаешь?

Сяо Цзюньгу, не говоря ни слова, толкнул его на шезлонг, опустился на колени и положил его руку себе на бедро, осторожно разматывая бинты. Увидев черные от запекшейся крови корки и плотные швы, он нахмурился. Чжан Вэйдун, почувствовав, как тот сжимает запястье, дернул ногой, оттолкнул Сяо Цзюньгу и ушел в дом.

Внутри он снял очки, прошелся по домику, достал из холодильника пиво и, закинув ногу на ногу, уселся на диван. Сяо Цзюньгу прошел мимо, даже не взглянув на него, и вышел на улицу. Чжан Вэйдун приподнял бровь: поведение Сяо Цзюньгу было странным, обычно тот не оставлял его в покое.

Сяо Цзюньгу, куря, бродил по курорту. Он уже звонил Сяо Ба: оказалось, что у того заболела девушка, он срочно уехал в другой город и забыл предупредить босса. Сяо Цзюньгу был очень встревожен травмой Чжан Вэйдуна. Чжан Вэйдун виртуозно играл на гитаре и всегда берег руки — если он довел себя до такого, значит, дело дрянь.

Когда стемнело, он вернулся в домик, принес с собой холод ночного воздуха. Чжан Вэйдун лениво развалился на диване, лицо его покраснелось, глаза блуждали. Он был в свободном сером халате, а вокруг валялись пустые пивные банки. В комнате, помимо запаха алкоголя, Сяо Цзюньгу уловил другой, резкий и знакомый аромат — такой он часто чувствовал за границей.

Сяо Цзюньгу подошел к пепельнице и, заглянув в нее, убедился в своих подозрениях. Он потерял контроль, впился пальцами в горло Чжан Вэйдуна и прижал его к дивану, сверкая глазами:

— Ты что, куришь траву?

Чжан Вэйдун приоткрыл глаза и посмотрел на него с полуулыбкой. Сяо Цзюньгу глубоко вздохнул, отпустил его и начал переворачивать все вверх дном в домике площадью пятьдесят квадратных метров.

Голос Чжан Вэйдуна зазвучал легко, с ноткой нервной истерии:

— Сяо Цзюньгу, почему ты до сих пор не сдох? В мире каждый день столько людей умирает: аварии, болезни, убийства... почему очередь никак не дойдет до тебя?

— Дун-цзы! — рявкнул Сяо Цзюньгу и пнул диван. — Где наркотики?!

<http://bllate.org/book/20766/2083740>